

### Глава 3. Островной мир юга Азии в период колониализма

Колонизация этой части Азии была основной целью европейцев с эпохи Великих географических открытий, так как именно здесь, в странах южных морей, выращивались те самые экзотические продукты, прежде всего пряности, стремление завладеть которыми было стимулом для колонизаторов. Судьба стран островного мира, от Цейлона до Филиппин, несмотря на разницу в условиях и уровне жизни местного населения, в степени экономического развития, была в известном смысле общей, однотипной: все они очень рано начали превращаться в колонии, стали объектом ожесточенной политической борьбы, внутренних неурядиц, колониальной экспансии, а подчас и неэквивалентного обмена. Богатые ресурсы, источником которых была щедрая природа, ставились на службу колонизаторам – для них прежде всего под контролем и при помощи местных контрагентов из числа привилегированной прослойки управителей выращивались необходимые продукты. Дешевый труд местного населения, основанный как на традиционных, так и на раннекапиталистических плантационных формах принудительного его использования, гарантировал европейским колонизаторам высокие прибыли. И этот уровень гарантированной прибыли в сочетании с рядом других обстоятельств, не в последнюю очередь с особенностями образа жизни в тропиках, существенно замедлял развитие колонизованного островного мира.

Если в Британской Индии по меньшей мере с XIX в. была заметна определенная внутренняя трансформация – выход на передний план промышленного освоения страны, включая строительство крупных предприятий и развитие инфраструктуры (железные дороги и т. п.), то на островах процесс подобного рода шел очень медленно. Зато здесь на первое место выходило развивавшееся плантационное хозяйство, основанное на полукапиталистических-полурабовладельческих методах использования законтрактованных рабочих, которых обычно именовали китайским термином кули, ибо на начальном этапе плантационной контрактации китайцы составляли значительную долю завербованных. Осваивавшие производство многих новых и высоко ценившихся в Европе культур (кофе, чай, табак, каучук, сахар и др.) плантационные хозяйства долгое время были в странах островного мира чем-то вроде эквивалента местной промышленности, и это не могло не оказать сдерживающего влияния на развитие соответствующих стран, сильно отставших в упомянутом смысле от той же Британской Индии.

**Голландская Индия (Индонезия)**

**Шри-Ланка (Цейлон)**

**Филиппины**

#### Голландская Индия (Индонезия)

Колониальная экспансия на островах Индонезии была начата в XVI в., как упоминалось, португальцами, установившими контроль на международных морских путях и создавшими на побережье многих островов свои форпосты, с помощью которых они пытались монополизировать торговлю пряностями. Португальское господство в Индонезии продолжалось, Однако, недолго. На рубеже XVI–XVII вв. здесь укрепились голландцы, а с середины XVII в. монополия голландской Ост-Индской компании на торговлю пряностями и вообще на всю индонезийскую международную торговлю стала практически общепризнанной. Как то было и в Индии, голландская Ост-Индская компания быстро и достаточно энергично расширяла и свой политический контроль в стране, захватывая одни территории и ставя в вассальную зависимость от себя правителей других. Голландцы не только монополизировали торговлю пряностями, но и регулировали объем производства экспортировавшейся ими продукции, не останавливаясь перед уничтожением плантаций, если быстро возраставшее количество драгоценных экспортных продуктов грозило снижением цен на них.

Господство колонизаторов, ведущее к насильственной ломке привычного образа жизни и к жестким методам эксплуатации труда, не могло не вызывать протеста. Уже в XVII в. это нашло свое выражение в ряде массовых политических движений, внешне принимавших форму династийной борьбы, но по сути бывших естественным сопротивлением традиционной структуры вмешательству со стороны колонизаторов (восстания на Яве под руководством Трунуджайи в 1674–1679 гг., Сурапати в 1683–1706 гг.). В середине XVIII в. голландцы попытались искусно направить недовольство яванского населения в антикитайское русло – против китайских эмигрантов, успешная экономическая деятельность которых раздражала яванцев и мешала Ост-Индской компании. Следствием расправы над хуацяо было, в частности, массовое выселение беднейшей их части в качестве кули на контролировавшиеся теми же голландцами колониальные плантации на Цейлоне и даже в далекой Южной Африке.

С XVIII в. голландская Ост-Индская компания начала слабеть и приходить в упадок. Расцветавшая контрабанда, равно как и коррупция среди служащих компании, приводили к увеличению экспорта, падению цен на пряности и соответственно доходов компании. Немалых денег стоила политическая борьба, приведшая в середине XVIII в. к гибели государства Матарам. Конец XVIII в. принес с собой еще и военно-политические осложнения, связанные с событиями в Европе (наполеоновские войны). В 1800 г. компания была ликвидирована, а вскоре вслед за этим Индонезия на несколько десятилетий оказалась под властью Англии, ведущей войну с Наполеоном и с союзной с ним Батавской (на территории Нидерландов) республикой.

Захват англичанами голландских колоний в Индонезии в 1811 г. привел к ряду реформ, ставивших своей целью создать благоприятные условия для проникновения в Индонезию частного капитала, в том числе английского. Однако упразднение монополий и налоговые реформы не привели к заметному изменению положения, во всяком случае с точки зрения промышленно-торгового освоения Индонезии частным европейским капиталом. Возврат Индонезии под власть Голландии в 1824 г. и последовавшее вслед за тем восстание Дипо Негоро под лозунгами исламского

джихада (1825–1830) побудили голландскую колониальную администрацию пересмотреть принципы своего экономического господства. Отказавшись от чересчур жестких форм налогового и иного гнета, власти перешли к системе принудительных культур, смысл которой сводился к тому, что крестьяне были обязаны пятую часть своей земли (наиболее приспособленную для этого, т. е. лучшую) обрабатывать под выращивание закупувшихся колонизаторами культур, тогда как все остальные земли община могла традиционно использовать для своих нужд, прежде всего для производства необходимого ей продовольствия. Система оказалась достаточно эффективной для голландцев, обеспечив им устойчивый доход. Но для развития Явы она была, по сравнению с реформами англичан, шагом назад, ибо консервировала отсталые методы ведения хозяйства и препятствовала тем самым экономическому развитию страны.

Введение системы принудительных культур заметно усилило позиции голландских властей в Индонезии, что позволило им приступить к колонизации других крупных индонезийских островов, в первую очередь Суматры и Борнео. Именно эти захваты и привели в конечном счете к колонизации голландцами почти всей Индонезии. Наиболее трудным для них делом оказалась война с султанатом Аче в Суматре, которая длилась около 30 лет (1873–1904), сопровождалась мощным народным сопротивлением в форме массового партизанского движения, но все же завершилась гибелью султаната. Успешные военно-политические захваты укрепили позиции Голландии в Индонезии и позволили ей отказаться от системы принудительных культур. Серия законов в 70–80-х годах XIX в. создала условия для проникновения на острова частного капитала. Здесь, в первую очередь на Яве, стали возникать промышленные предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции (кофе, чай, какао, каучук и др.), строиться железные дороги, создаваться банки, расширяться разведка недр. На промышленную основу были поставлены добыча олова, угля и особенно нефти, торговля которой заложила базу для процветания основанной в 1907 г. известной англо-голландской компании Ройял Датч-Шелл.

Вся первая половина XX в. прошла под знаком дальнейшего укрепления позиций европейского монополистического капитала. Рост добычи олова, нефти, производства каучука – все это закладывало основу для процветания европейских капиталистов в Индонезии. Немалую роль в экономике страны стала играть и влиятельная прослойка китайских хуацяо, державших в своих руках значительную долю торговли, основывавших мелкие и средние промышленные предприятия, банковские конторы. Доля же национальной индонезийской буржуазии была незначительной и росла очень медленно – этим голландская Индия существенно отличалась от английской. Неудивительно, что тем большей была роль образованных слоев населения, индонезийских интеллигентов, в борьбе за национальное освобождение. В этой борьбе радикальные представители индонезийского общества в известной мере опирались на национально-религиозные традиции. Стоит также заметить, что сила и революционный потенциал рабочих были в Индонезии намного заметнее, чем в Индии. Профсоюзы и весьма боевая компартия страны действовали достаточно активно, несмотря на запреты и преследования, чему в немалой мере способствовала и иная, чем в Индии, общая религиозная ситуация, генеральный импульс которой способствовал боевому сплочению людей, а не их разъединению.

Дело в том, что, хотя религиозным фундаментом Индонезии был мощный многовековой

пласт индуизма (откуда и название страны), уже с XVI в., после крушения империи Маджапахит, здесь началось победоносное шествие ислама. Может показаться, что общая ситуация аналогична той, что была и в Индии: на традиционную индуистскую основу наложился ислам. На деле, однако, все было совершенно иначе. В Индонезии не было системы каст, которая укрепляла индийский индуизм и позволяла ему устойчиво и успешно сопротивляться исламизации. Вследствие этого структурно ослабленный индуизм здесь сравнительно легко отступил на задний план и был очень быстро заменен исламом (за век-два, буквально на глазах колонизаторов). 90% современного населения Индонезии считается мусульманами. Ислам же как религия основан на сплочении людей на религиозной основе (мусульманская умма), а свойственная ему идея религиозного равенства, да еще в сочетании с принципом воинствующего прозелитизма, в определенных условиях может стать благоприятной основой для пропаганды активных революционных действий как таковых, без религиозной их оболочки, что и стремилась в свое время осуществить имевшая в народе популярность компартия страны.

Существенно, однако, обратить внимание и на другую сторону сложной проблемы религиозно-цивилизационного фундамента Индонезии. Если, во-первых, как только что было сказано, индуизм в этой стране был не чета индийскому, то, во-вторых, не вполне типично мусульманским был и ислам. Суть проблемы в том, что, появившись в Юго-Восточной Азии сравнительно поздно и начав завоевывать заметные политические позиции в Индонезии лишь в XV в., ислам оказался здесь в несколько иной функции, чем где-либо еще, – в функции, весьма сходной с тем, что имело место в Тропической Африке. Правда, там ислам накладывался на первобытную структуру, не имевшую сколько-нибудь серьезного цивилизационного фундамента, тогда как в Индонезии такой фундамент (индуизм и буддизм) был. Но эта существенная разница лишь помогает понять, о чем идет речь: появившись в Юго-Восточной Азии, как и в Тропической Африке, не в ходе завоевания, когда вместе с носителями новой религии заимствовалась и уже сложившаяся имманентная доктрина системы власти, ислам был сравнительно слабым, во всяком случае не стопроцентно правоверным. Имевшие низкий социальный статус горожане, ремесленники и торговцы, охотнее переходили в ислам и становились его ревностными сторонниками (так было в свое время и в Индии, причем в основном по той же причине). Но что касается крестьян, основной массы населения, то они хотя формально и становились мусульманами, на практике лишь сочетали ислам со своими прежними верованиями, представлениями и культами, от анимизма до индуизма. Даже святая для каждого мусульманина на Ближнем Востоке пятикратная молитва не была для них обязательной и не является таковой и сейчас. Можно найти немало и иных отличий, свидетельствующих о специфике ислама в Индонезии, что не могло не сказаться на судьбах страны.

Период между первой и второй мировыми войнами был временем активной борьбы страны за независимость. Собственно, сама голландская колониальная администрация в XX в. уже вполне отчетливо сознавала, как и британская администрация в Индии, что годы ее сочтены и что лучшим выходом для нее было бы постепенное движение в сторону признания справедливости требований индонезийцев. Уже на рубеже XIX–XX вв. изменению политики способствовал новый так называемый этический курс колониальной политики. Идейно обоснованный в статье Девентера “Долг чести”, суть которой сводилась к тому, что столь многое взявшие в Индонезии голландцы должны

теперь выплатить этой стране своего рода долг чести, выражающийся в заботе о просвещении и развитии народа, о подготовке его к самоуправлению, этот новый курс сыграл определенную роль. Пусть с неохотой, но голландцы оказались вынужденными следовать ему. В Индонезии стали открываться школы, колледжи, университеты, издаваться газеты, журналы и книги, в том числе на малайском языке, становившемся общим для всех индонезийцев. В 1916 и 1917 гг. съезд Союза ислама, наиболее массовой в то время организации в Индонезии, провозгласив себя Национальным конгрессом, предъявил колониальной администрации требование освобождения от ее опеки. Голландцы в 1918 г. создали Народный совет, который состоял из назначавшихся и избиравшихся членов, европейцев и индонезийцев, и имел право ветоировать бюджет страны. В 1927 г. доля индонезийцев в этом совете была увеличена. Вынужденные уступки со стороны колониальных властей сопровождались усилением освободительной борьбы. Наряду с организациями исламского характера и параллельными, хотя и менее влиятельными, религиозно-ориентированными индуистскими организациями, на рубеже 20 – 30-х годов появились партии национально-демократического направления, в первую очередь Национальная партия во главе с Сукарно. Подвергавшаяся преследованиям и время от времени вынужденная реорганизовываться и менять название, эта партия в середине –30-х годов выдвинула ряд требований национально-демократического характера, явственно противостоявших колониально-капиталистической структуре: создание общества без классов и без капитализма; независимость с учетом национальных интересов и с уважением интересов других народов; защита интересов рабочих и земледельцев и т. п. Поиски собственного пути побудили Сукарно взять кое-что из идей марксистского социализма и сочетать эти идеи с традиционными для восточного общества представлениями о всеобщем равенстве и справедливости. Объективно идеи Сукарно и программа его партии отражали сопротивление традиционной индонезийской структуры, столетиями трансформировавшейся колонизаторами, но во многом еще сохранившей свои основы, капитализму колониального типа, символу чужеземного угнетения.

Вторая мировая война положила конец голландской колониальной администрации в Индонезии, место которой заняли японцы. В 1945 г., когда исход войны был уже очевиден, в стране был создан Комитет по изучению вопроса о независимости, на пленарном заседании которого в июне с большой программной речью выступил Сукарно. Он призвал все патриотические силы объединиться в борьбе за свободу и независимость Индонезии. Капитуляция Японии послужила сигналом для провозглашения независимости Индонезии (<17 августа 1945 г.). Но еще на протяжении ряда лет шла борьба индонезийцев за независимость с вторгшимися в страну и представлявшими интересы голландских колонизаторов англо-индийскими войсками (формальным предлогом для их вторжения была необходимость разоружения находившихся в Индонезии японских армий). В ходе этой борьбы на передний план в политической жизни страны выходили все новые деятели, в том числе опиравшиеся на многочисленные мусульманские организации различного толка. Обычно они весьма консервативно мыслили и соответственно действовали. И хотя формально во главе Индонезии в конечном счете оказался избранный ее президентом радикально настроенный Сукарно, фактически ведущую роль в руководстве играли более умеренные лидеры, опиравшиеся на национально-религиозные традиции.

### Шри-Ланка (Цейлон)

Освоенный португальскими колонизаторами еще в начале XVI в. остров Цейлон издревле был центром экспорта корицы, торговля которой определяла интересы колонизаторов. В середине XVII в, португальцев сменили голландцы, продолжавшие их дело. Голландская Ост-Индская компания здесь действовала в основном теми же методами, что и в Индонезии, включая систему принудительной обработки участков, засаженных коричневым деревом. В конце XVIII в. в ходе упоминавшихся уже англо-французских войн голландцев на Цейлоне сменили англичане, проведшие ряд реформ, в том числе налоговую, которая вызвала резкое сопротивление населения и вскоре частично была отменена. С 1802 г. Цейлон стал колонией, управлявшейся английским губернатором.

Начало XIX в. прошло под знаком борьбы англичан за полное господство на острове. Этому противостояло государство Канди, занимавшее центральную часть Шри-Ланки. Организованное весьма традиционно и являвшее собой едва ли не классический образец восточного государства с хорошо налаженной системой централизованной редистрибуции, Канди длительное время сопротивлялось португальским и голландским колонизаторам, сохраняя свою независимость. В 1815 г. англичане аннексировали это государство и стали хозяевами всего острова. Аннексия спровоцировала жителей Канди на восстание, которое, однако, было подавлено колонизаторами.

С середины XIX в. главной экспортной культурой Цейлона становится кофе, а в конце этого же века – чай. На кофейных и чайных плантациях работали законтрактованные в Индии рабочие-кули, в основном южноиндийские тамилы. Индийцы-тамилы и мусульмане-мавры сосредоточили в своих руках и значительную долю цейлонской торговли, тогда как коренное население страны, сингалезцы, в этом смысле отставали – ситуация, близкая к индонезийской. Большинство рабочего класса тоже представляли собой индийцитамилы, плантационные кули, хотя постепенно формировались и иные отряды пролетариата – строители, железнодорожники, докеры и др. Преобладающей религией населения оставался традиционный буддизм, но вместе с тамилами усиливались позиции индуизма (индуисты играли заметную роль и в государстве Канди, где к тому же существовала восходящая к индуизму система каст).

Во второй половине XIX в. на Цейлоне, в немалой степени под влиянием соседней

Индии, стало активно пробуждаться национальное самосознание. Появились образованные слои населения, начали издаваться газеты и книги на сингальском языке, развиваться религиозно-реформаторские идеи. В 1864 г. возникла национальная политическая организация – Цейлонская лига, требовавшая участия цейлонцев в управлении страной. Англичанами был создан Законодательный совет, часть членов которого составляли цейлонцы. На рубеже XIX–XX вв. на острове одна за другой возникали новые политические организации, выдвигавшие лозунги с требованиями самоуправления и реформ. По введенной англичанами в 1912 г. конституции число членов Законодательного совета из цейлонцев было увеличено, а после реформы конституции в 1924 г. в совете было создано выборное большинство цейлонцев. Очередная конституционная реформа 1931 г. провозгласила всеобщее избирательное право (до того практиковалось общинное представительство), а на выборах в том же году большинство мест в Государственном совете получили кандидаты Цейлонского национального конгресса – ведущей партии острова, созданной в 1919 г. и претендовавшей на формирование ответственного правительства.

Цейлонский национальный конгресс оказал колониальной администрации поддержку в годы второй мировой войны в обмен на обещание независимости после нее. В 1945–1946 гг. шла работа над проектом конституции независимого Цейлона.

Искусственная задержка с предоставлением острову статуса доминиона привела к ряду крупных национальных выступлений в 1947 г. В результате 4 февраля 1948 г. была провозглашена независимость Шри-Ланки – пока еще, до провозглашения республики в 1972 г., в статусе доминиона.

---

### Филиппины

После потери американских владений Филиппины остались практически единственной колонией Испании, некогда огромной колониальной державы. В середине XIX в. и эта колония под нажимом обстоятельств была открыта для международного рынка и иностранного частного капитала, о чем уже говорилось. Приток иностранного капитала создал предпосылки для более активного промышленного развития страны – возникали первые предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, строились железные дороги, оборудовались порты. Появлялись во все возрастающем количестве

школы, колледжи и университеты, причем значительная часть их оставалась в ведении католической церкви. Росло число образованных людей, формировалась филиппинская интеллигенция, возникала литература на тагальском языке. Естественным результатом всего процесса было развитие национального самосознания филиппинцев, сопровождавшееся усилением антииспанских настроений в стране. Ситуация усугублялась тем, что в филиппинской деревне сохранялась огромная власть испанских землевладельцев, включая и церковь.

Революционные события в Испании в 1868 г., приведшие к низложению королевы Изабеллы, послужили толчком для развития национально-освободительного движения на Филиппинах. С одной стороны, этому содействовали реформы нового генерал-губернатора де ла Торре, проводшего ряд важных реформ, включая отмену цензуры, ограничение всеислия церкви, свободу политических акций и собраний, упразднение церковного контроля над школами. С другой стороны – отзыв Торре и замена его клерикалом и реакционером Искиэрдо, что вызвало негодование филиппинцев и спровоцировало антииспанские и антицерковные выступления (восстание в Кавите в 1872 г.). Вскоре во главе движения за национальное освобождение стал эмигрировавший в Испанию Хосе Рисаль, чей быстро ставший знаменитым и тайно распространявшийся на Филиппинах роман “Не прикасайся ко мне!”, разоблачавший произвол колонизаторов и мракобесие католических монахов, сыграл немалую роль в подготовке филиппинцев к их революционному выступлению за свою независимость.

С конца 80-х годов стали одна за другой возникать национальнопатриотические организации – Испано-филиппинская ассоциация (1888), Филиппинская лига (1892) и союз Катипунан (1892), ставший вскоре одной из наиболее авторитетных и масковых организаций на Филиппинах. Именно Катипунан провозгласил лозунг вооруженной борьбы за независимость Филиппин и начал готовить страну к восстанию. Восстание началось в августе 1896 г. в условиях гонений и преследований активистов Катипунана властями. Хосе Рисаль, которому были чужды методы насилия, отказался встать во главе восстания. Несмотря на это, он был схвачен и расстрелян колониальными властями в конце того же года. К восстанию вскоре примкнули представители разных слоев населения, а во главе его стал выходец из метисов мелкий землевладелец Агинальдо.

Восстание имело успех, и в марте 1897 г. на Филиппинах была провозглашена республика, президентом которой стал Агинальдо. Однако испанская колониальная администрация, пообещавшая проведение ряда важных реформ, сумела склонить руководителя республики к переговорам, исходом которых была капитуляция Агинальдо, согласившегося эмигрировать. Неизвестно, как повернулись бы события дальше, если бы не вмешательство США, которые в апреле 1898 г. начали войну с Испанией, потребовав от нее вывода войск с Кубы и признания независимости острова. В самом начале испано-американской войны американцы уничтожили испанскую эскадру в Маниле и помогли Агинальдо и его сторонникам, образовавшим тем временем в Гонконге “патриотическую хунту”, возвратиться на родину. Вскоре испанская колониальная администрация на Филиппинах была вынуждена капитулировать, а Агинальдо был провозглашен “верховным вождем нации”. Однако Манила оказалась в руках американцев, и, хотя страна в том же 1898 г. была провозглашена независимой республикой, США объявили о своем суверенитете над ней. Протесты Агинальдо не



помогли, а в ходе американо-филиппинской войны 1899–1901 гг. США разгромили войска республики и заставили ее капитулировать. Принятый американским конгрессом в 1902 г. Закон о Филиппинах закрепил зависимый статус этой страны, но официально предоставил ей определенные демократические права и свободы, включая выборность органов самоуправления, создание Законодательной ассамблеи и контролировавшей ее деятельность филиппинской комиссии из американцев и филиппинцев во главе с американским генерал-губернатором.

“Демократический” колониализм США был безусловно предпочтительнее испанского. На Филиппинах с начала XX в. быстро набирала силу деятельность различных партий, профсоюзов, чему способствовали как ввоз в страну иностранного, преимущественно американского, капитала, так и сравнительно быстрый рост промышленного производства. На выборах 1907 г. большинство мест в Ассамблее – филиппинском парламенте завоевала Национальная партия, выступившая с требованием независимости. Однако борьба за независимость заняла ряд десятилетий. С 1913 г. филиппинцы увеличили долю своих представителей в административных органах, но только в 1934 г. США официально обещали предоставить Филиппинам независимость через 10 лет; пока же была предоставлена автономия с собственным правительством. Когда в 1941 г. Филиппины были оккупированы японскими войсками, созданная в 1930 г. компартия оказалась одной из немногих жестко организованных партийных структур, которые сумели образовать движение Сопротивления – Хукбалахап. Неудивительно, что после разгрома Японии компартия Филиппин стала влиятельной силой в стране, получившей в 1946 г. политическую независимость. Последовавшие вскоре за этим попытки разоружить воинские формирования Хукбалахапа и стремление филиппинского правительства освободиться от давления коммунистов вызвали вооруженное восстание и явились причиной затяжной гражданской войны, приведшей в конечном счете к победе демократических сил независимой республики и к переходу коммунистов на нелегальное положение.